

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Мадрис Рито С. Латиноамериканская «мягкая сила» в действии: Бразилия и Чили как столпы МООНСГ (2004–2017) // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76924 EDN: EEPVPW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76924

Латиноамериканская «мягкая сила» в действии: Бразилия и Чили как столпы МООНСГ (2004–2017)

Мадрис Рито Селене Андресина

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

108809, Россия, г. Москва, р-н Внуково, ул. Аэростатная, д. 14 к. 2

✉ celenea.10@gmail.com

[Статья из рубрики "Актуальные проблемы и направления развития современной конфликтологии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76924

EDN:

EEPVPW

Дата направления статьи в редакцию:

20-11-2025

Дата публикации:

27-11-2025

Аннотация: В статье рассматривается латиноамериканская «мягкая сила» в Гаити в период деятельности Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации (МООНСГ) в 2004–2017 гг. как совокупность политико-дипломатических, гуманитарных, полицейских и инфраструктурных практик, посредством которых Бразилия и Чили выступали главными региональными опорами миссии, одновременно формируя собственные модели международного влияния в пространстве сотрудничества Юг–Юг. Предметом анализа являются формы указанного влияния, их институциональная связь с мандатом МООНСГ и их воздействие на легитимацию миссии внутри гаитянского общества и в международной среде. Научная новизна состоит в реконструкции МООНСГ как институциональной площадки, где «мягкая сила» Бразилии и Чили развивалась не параллельно миротворчеству, а внутри него, опираясь на военно-полицейские и

гражданские компоненты миссии. Показано, что Бразилия использовала статус ведущей страны военного компонента для расширения дипломатического авторитета и проектов сотрудничества, тогда как Чили закреплялась через инженерно-гуманитарные функции и локальную инфраструктурную поддержку. Делается вывод о том, что латиноамериканское лидерство в МООНСГ задавало специфический региональный профиль миссии, посредством которого сочетались задачи безопасности и практики международной легитимации, однако пределы «мягкой силы» проявлялись в кризисах доверия после 2010 г. и в неоднозначном восприятии миссии гаитянским обществом. В исследовании применялись анализ документов, количественные методы, статистический анализ и сравнительное изучение полученных данных. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что латиноамериканское лидерство в МООНСГ задавало специфический региональный профиль миссии, в котором сочетались задачи безопасности и практики международной легитимации. «Мягкая сила» Бразилии и Чили была институционально встроена в миротворческие процедуры и развивалась через них, а не параллельно им. Завершение МООНСГ и переход к последующей миссии по поддержке правосудия подтвердили преемственность этой связи, сохранив каналы внешнего влияния в менее военизированных формах. Таким образом, гаитянский опыт демонстрирует, что в длительных операциях по стабилизации силовое и «мягкое» измерения миротворчества взаимно обусловлены, а устойчивость внешнего влияния определяется не только ресурсами, но и степенью доверия принимающего общества.

Ключевые слова:

Гаити, МООНСГ, Бразилия, Чили, мягкая сила, миротворчество, ООН, публичная дипломатия, гражданская безопасность, Латинская Америка

Латиноамериканская «мягкая сила» в действии в гаитянском случае 2004–2017 гг. подлежит рассмотрению как специфическая форма международного влияния, совмещающая миротворческое участие, публичную дипломатию и практики сотрудничества Юг–Юг. Принято считать, что операции ООН в постконфликтных странах ограничиваются рамками безопасности и политического сопровождения, а экономические и символические эффекты принимаются как вторичные. Однако анализ практик МООНСГ показывает, что длительный мандат, многокомпонентная организация и участие региональных держав создавали устойчивые каналы не только силового регулирования, но и формирования благоприятного образа, расширения гуманитарного присутствия и закрепления латиноамериканских государств в качестве значимых внешних партнеров Гаити. В результате данная миссия может быть интерпретирована как среда, в которой «мягкая сила» не противопоставлялась военному компоненту, а развивалась в тесной связи с ним [\[1\]](#).

Предмет исследования составляет соотношение политико-военной роли Бразилии и Чили в МООНСГ и тех форм «мягкого» влияния, которые были ими развернуты в гаитянском обществе и институтах. Методологически работа опирается на сравнительно-исторический и институциональный подходы политического анализа, позволяющие реконструировать взаимосвязь между мандатными установлениями, практиками их исполнения и внешнеполитическими целями участников миссии. Д. Г. Балув подчеркивал, что политический анализ требует учета не только формальных норм, но и реальных механизмов распределения полномочий и ресурсов, поддерживающих эти нормы в конкретной среде [\[2\]](#). В рассматриваемом случае данный тезис позволяет

соединить нормативное измерение мандата МООНСГ с фактическими практиками латиноамериканских контингентов.

К настоящему времени имеется достаточно данных, свидетельствующих, что формирование МООНСГ было обусловлено кризисом государственности Гаити начала 2004 г., сопровождавшимся вооруженными выступлениями и утратой национальной администрацией контроля над значительной частью территории. В резолюции 1529 Совета Безопасности было санкционировано развертывание многонациональных временных сил, а резолюция 1542 учредила МООНСГ с расширенным мандатом по стабилизации [\[12; 13\]](#). В промежуточном докладе Генерального секретаря от 30 августа 2004 г. закреплялась необходимость создания безопасной среды, поддержки политического процесса, реформы полиции и содействия правам человека [\[11\]](#). Согласно справочной информации ООН, миссия включала военный компонент численностью до 6700 военнослужащих и полицейский компонент до 1622 сотрудников при развитой гражданской структуре по вопросам гуманитарной помощи, управления и развития [\[9; 10\]](#). Х. Вальдес указывал, что переход к МООНСГ означал институциональное смещение от прежних форм «поддержки» к режиму «стабилизации», то есть к более широкому вмешательству в восстановление управленческих функций государства [\[3\]](#). При таком устройстве миссия рассматривалась не как временная силовая мера, а как центральный координационный контур постконфликтного восстановления.

Важным контекстом выступает предыстория аристидовского периода. З. Гонсалес Райнерио трактовал кризис власти Жан-Бертрана Аристида как проявление структурной слабости политических институтов и высокой зависимости от внешних доноров, что сделало страну уязвимой для рецидива насилия [\[4\]](#). Э. Серрано Кабальеро развивал мысль о том, что гаитянские операции 1990-х – начала 2000-х гг. были последовательными попытками международного управления нестабильностью при постоянном риске срыва демократизации [\[16\]](#). Поэтому в 2004 г. для Совета Безопасности приоритетом стало предотвращение новой волны вооруженного конфликта и поддержка переходного режима через долговременную миссию.

Существуют основания согласиться с позицией М. Калдор, согласно которой гражданская безопасность в глобализованном мире становится зоной совместного регулирования, где силовые меры неизбежно сопрягаются с социально-экономическими и институциональными программами, ориентированными на создание устойчивой легитимности [\[6\]](#). В МООНСГ эта логика получала прямое выражение: безопасность понималась не как самоцель, а как условие для восстановления государственного управления, проведения выборов и создания инфраструктуры правопорядка [\[5; 11\]](#). А. С. Мелькин отмечал, что в постконфликтных государствах миростроительство ООН обретает комплексный правовой характер, в котором политические, гуманитарные и полицейские компоненты служат единому восстановительному замыслу [\[7\]](#). В результате мандат МООНСГ формировал институциональную среду, благоприятную для «мягкого» влияния участников миссии.

Особое место в миссии заняли латиноамериканские контингенты, прежде всего Бразилия и Чили. По данным ООН, лидерство в военном компоненте было передано Бразилии, что обеспечивало ей непосредственное участие в оперативном управлении и политическом представительстве миссии, тогда как Чили являлась одним из ключевых региональных участников, размещенных преимущественно за пределами столицы в районах северной

ответственности [9; 10]. П. Триподи аргументировал, что бразильская вовлеченность в Гаити должна пониматься как средство демонстрации региональной ответственности и укрепления международного статуса страны в рамках коллективной безопасности [19]. В интерпретации Б. Малакальсы латиноамериканское участие в миссии развивалось как часть проекта сотрудничества Юг–Юг, где миротворчество выступало политическим и символическим каналом укрепления взаимной легитимности государств региона на глобальной арене [21]. Эти соображения позволяют рассматривать бразильскую и чилийскую линии как элементы общей стратегии «мягкой силы», дополнявшие их силовое присутствие.

Для раскрытия содержания «мягкой силы» в миротворческом контексте представляется важным привлечение положений теории публичной дипломатии. Р. С. Захарна подчеркивала, что устойчивое международное влияние формируется через сочетание информационных и реляционных коммуникаций, где решающими становятся длительность контактов, доверие и воспринимаемая полезность внешнего участника [23]. В условиях МООНСГ эти параметры обеспечивались самой миссией, поскольку ее долговременность и многокомпонентность позволяли странам-контрибьюторам включаться в повседневные социальные практики, образовательные и гуманитарные программы, а также в коммуникацию с местными элитами. Таким образом, сила воздействия проявлялась не только через официальные заявления, но и через мелкие, но регулярные институциональные связи.

В отечественной литературе о символических аспектах международного участия ООН обращается внимание на роль «неклассических» представителей и коммуникативных посредников. А. Я. Баланык показывал, что деятельность посланников мира и иных публичных фигур ООН способствует укреплению доверия к миссии и формирует объекты символической поддержки, которые затем транслируются в национальные и международные медийные контуры [1]. Хотя в гаитянском материале акцент ставился на контингентах и институтах, аналогичная логика распространялась на латиноамериканское участие в целом: присутствие Бразилии и Чили создавало для них канал коллективной легитимации как государств, способных осуществлять не только военное, но и гуманитарно-управленческое сопровождение.

Бразильская линия в миссии характеризовалась сочетанием военного лидерства и активного участия в гражданских программах. В докладах Генерального секретаря подчеркивалось, что успех миссии связывался с реформой Гаитянской национальной полиции, восстановлением правосудия и поддержанием общественного порядка при одновременном развитии гуманитарных мер [5; 11]. Бразильское командование, руководя военным компонентом, получало прямой доступ к оценке рисков, планированию развертывания и взаимодействию с гражданской администрацией миссии, что усиливало ее способность формировать повседневную безопасность на местах и обеспечивать условия для гуманитарных инициатив. По утверждению С. А. Тишкова, МООНСГ постепенно выработала современную парадигму многокомпонентного миротворчества, в которой силовая и гражданская деятельности взаимно поддерживали друг друга [17]. Такая парадигма была особенно заметна в бразильских практиках, поскольку их инициативы в сфере безопасности сопровождались медицинскими, образовательными и инфраструктурными действиями, направленными на формирование устойчивого контактного поля с населением.

Чилийская линия имела меньший масштаб по численности и финансированию, однако

отличалась отраслевой определенностью и устойчивой ориентацией на инженерно-гуманитарные практики. Справочные сведения ООН о разворачивании МООНСГ фиксировали, что чилийские подразделения выполняли функции, связанные с обеспечением коммуникаций, инженерным сопровождением и поддержанием зон ответственности вне столицы [\[9; 10\]](#). В результате формировалась сеть взаимодействий с местными администрациями и общинами, где присутствие чилийцев воспринималось через практическую полезность и регулярность контактов. Э. Варрей, реконструируя эволюцию миссий ООН в Гаити, отмечал последовательное усиление гражданского компонента после 2004 г., что расширяло сферу гуманитарных и инфраструктурных программ независимо от состава военного контингента [\[22\]](#). В таких условиях инженерная и гуманитарная специализация Чили становилась важным ресурсом «мягкого» влияния, поскольку обеспечивала видимые результаты в конкретных секторах повседневной жизни.

Наличие противоположных точек зрения на природу латиноамериканского участия в Гаити отражено в литературе. Одни исследователи исходят из того, что Бразилия и Чили действовали главным образом из политических мотивов, стремясь подтвердить приверженность коллективной безопасности, а также укрепить кооперацию Юг–Юг, при этом не ставя самостоятельных задач по формированию устойчивого «мягкого» присутствия. Такая позиция опирается на мандатные установки, где приоритетом выступали безопасность, выборы, полиция и права человека [\[5; 11\]](#). Другие авторы полагают, что длительная миссия неизбежно создавала для ведущих участников устойчивые репутационные и институциональные преимущества, выражавшиеся в расширении культурных, гуманитарных и образовательных связей, что и является сущностью «мягкой силы». По мнению Б. Малакальсы, латиноамериканские государства использовали гаитянский опыт как площадку для демонстрации альтернативной, «южной» модели международной солидарности, где помощь развитию напрямую связывалась с политической репутацией [\[21\]](#). На наш взгляд, вряд ли следует отрицать тот факт, что обе логики сосуществовали и дополняли друг друга, поскольку официальные цели миссии не исключали того, что репутационные и коммуникативные эффекты накапливались структурно, как результат длительного присутствия.

Крупным фактором изменения контекста миссии стали события 2010 г., которые целесообразно рассматривать не как эпизод, внешне прервавший миротворческий процесс, а как структурный поворот, изменивший параметры его функционирования и распределение внутримиссионных приоритетов. Землетрясение 12 января 2010 г. разрушило значительную часть административной и коммунальной инфраструктуры Гаити, вызвало гибель большого числа гражданских лиц и одновременно повлекло потери среди персонала ООН, поскольку штабные и гражданские подразделения дислоцировались в пространстве наиболее сильного воздействия толчков. Сказанное подтверждается тем, что уже в первые недели после катастрофы была зафиксирована необходимость немедленной корректировки мандата и численности миссии, так как прежние ресурсные и организационные параметры МООНСГ перестали соответствовать масштабу гуманитарного и институционального кризиса. В резолюции 1908 Совета Безопасности было санкционировано увеличение численности военного и полицейского компонентов для поддержки срочного восстановления, обеспечения общественного порядка и защиты гражданского населения [\[14\]](#). При этом сама формула резолюции исходила из презумпции неразрывности задач безопасности и реконструкции, что позволяет согласиться с подходом, в рамках которого чрезвычайная ситуация не отделяется от миротворческой логики, а переопределяет ее содержательные акценты.

В докладе Генерального секретаря, подготовленном для оценки динамики миссии, подчеркивалось, что стабилизация после землетрясения должна опираться на одновременное восстановление полицейских, судебных и муниципальных механизмов, без чего невозможно удержание минимального правопорядка и поддержание доверия граждан [\[5\]](#). Резолюция 1944, продлевавшая миссию в октябре того же года, закрепляла продолжение восстановительных функций при сохранении акцента на реформе полиции и правосудия, тем самым создавая длительную институциональную рамку внешнего сопровождения в социальной и управленческой сферах [\[15\]](#).

В такой конфигурации хозяйственная и гуманитарная деятельность миссии становилась не вспомогательным направлением, а необходимым условием самой стабилизации, поскольку без восстановления базовых институтов и городской инфраструктуры поддержание порядка оставалось бы фактически невыполнимым, а ресурсы силового компонента неизбежно оказывались бы распылены на задачи, не входившие в исходные границы мандата. Как отмечал С. А. Тишков, после землетрясения МООНСГ окончательно утвердилась в качестве центрального координационного узла восстановления, что сопровождалось ростом значимости гражданских подразделений и расширением их участия в планировании программ занятости, размещения перемещенных лиц и реконструкции социальной среды [\[18\]](#).

Следовательно, чрезвычайная ситуация не только увеличила масштаб международного присутствия, но и изменила внутреннюю архитектуру миссии, усилив зависимость ее успеха от управленческих, гуманитарных и инфраструктурных решений. В результате миссия была вынуждена действовать в условиях, когда безопасность стала интерпретироваться через призму восстановления жизненно нужных функций государства и общества, а эффективность миротворчества определялась уже не только способностью пресекать насилие, но и способностью содействовать возобновлению нормальной социальной и административной жизни в посткатастрофической среде.

Следует отметить, что после землетрясения возросла роль гражданского и координационного аппарата МООНСГ, поскольку именно через него проходили основные потоки международной помощи, оценки потребностей и распределение задач между донорами и национальными ведомствами. С. А. Тишков подчеркивал, что в ходе развития гаитянской миссии ее многокомпонентный характер усиливался, а после 2010 г. МООНСГ окончательно закрепились как ведущий координационный узел восстановления, фактически совмещая функции охраны безопасности, консультирования органов власти и управления гуманитарным полем [\[18\]](#). Тем самым было институционально усилено то обстоятельство, что миротворческая структура стала посредником между внешним ресурсом и внутренним развитием, что в ряде аспектов объективно увеличивало зависимость страны от международной среды. Однако одновременно расширялись и каналы для «мягкой силы» латиноамериканских государств, прежде всего Бразилии и Чили, поскольку масштаб восстановительных задач требовал постоянного присутствия на местах, регулярных контактов с населением и включенности в национальные программы. В силу ранее сформированных зон ответственности и инженерных, медицинских и полицейских функций латиноамериканские контингенты оказались среди тех участников, чьи практики были наиболее заметны для общества. По данным справочных материалов ООН, именно такие компоненты, как инженерное сопровождение, патрульная поддержка полиции и гуманитарные проекты в общинах, получили усиление в постземлетрясенный период, поскольку без них не могла быть обеспечена минимальная управляемость территории [\[9; 10\]](#). В результате «мягкая сила» Бразилии и Чили стала опираться не на

декларативное присутствие, а на нарастающий опыт практического взаимодействия, что соответствовало логике реляционных коммуникаций, акцентированной в трактовке Р. С. Захарны [\[23\]](#). При этом, как представляется, рост символического и гуманитарного влияния происходил не в отрыве от военного мандата, а через него, поскольку обеспечение безопасности логистики, охрана распределительных узлов и поддержка полиции создавали возможность для реализации медицинских и инфраструктурных инициатив.

Вместе с тем расширение гуманитарной деятельности неизбежно усиливало требования к легитимности миссии и к ее общественному восприятию. В критике МООНСГ со стороны гаитянского общества со временем концентрировались обвинения в нарушениях прав человека, в недостаточной прозрачности процедур и в том, что международное присутствие стало восприниматься как внешний регулятор внутренних процессов. Следует иметь в виду, что в условиях постземлетрясенной реконструкции такие подозрения усиливались, поскольку многие ключевые решения принимались в координационных форматах миссии и донорских структур, а национальные институты оставались ослабленными и часто не обладали достаточным ресурсом для самостоятельного управления восстановлением. Х. Вальдес указывал, что недостаточная встроенность миссии в ожидания местных общин, слабая артикуляция мандатных целей в общественном пространстве и дефицит доверия к внешним акторам подрывали устойчивость международной стабилизации, даже если она сопровождалась очевидными инфраструктурными и гуманитарными результатами [\[3\]](#). В данном выводе содержится ключевое указание на то, что «мягкая сила» в миротворческом контексте не может быть сведена к сумме проектов или числу выделенных средств, поскольку ее эффективность определяется тем, признается ли внешнее участие легитимным и соразмерным общественным потребностям.

По оценке С. А. Тишкова, снижение насилия и профессионализация полиции, которые фиксировались как центральные достижения МООНСГ, не сопровождалось пропорциональным ростом общественного доверия к миссии, что выявляло трудность превращения силовой стабилизации в долговременную социальную опору [\[18\]](#). Следовательно, «мягкая сила» латиноамериканских стран должна рассматриваться не как безусловный успех, а как процесс, в котором положительные гуманитарные эффекты сосуществовали с нарастающей чувствительностью населения к любым формам внешнего управления. Сказанное позволяет согласиться с тем, что миссия, будучи вынужденной расширить функции, одновременно стала уязвимее в репутационном отношении, поскольку каждое отклонение от ожидаемых норм поведения интерпретировалось обществом в масштабе всей операции.

К завершению миссии в 2017 г. был накоплен значительный массив практик, связывающих безопасность и гуманитарно-управленческое влияние, что требует трактовки ее финального этапа как институционального перехода, а не как простого завершения международного вмешательства. По данным ООН, сворачивание МООНСГ и учреждение Миссии по поддержке правосудия в Гаити означали признание необходимости сокращения военной составляющей при сохранении внешней помощи в развитии полиции, правосудия и пенитенциарной системы [\[8\]](#). Тем самым было подтверждено, что основная стабилизационная задача рассматривалась как выполненная в первичных параметрах, тогда как институциональные последствия кризиса, а также социально-экономические уязвимости требовали иной формы международного сопровождения. Э. Варрей, реконструируя эволюцию гаитянских операций ООН, отмечал, что преемственность миссий заключалась в сохранении

координационных и консультативных механизмов, даже при формальной смене мандатов, что поддерживало долгосрочные каналы внешней вовлеченности [\[22\]](#). Следовательно, завершение МООНСГ не устранило тех коммуникативных, гуманитарных и управленческих связей, которые были сформированы Бразилией и Чили на протяжении 2004–2017 гг., а лишь переводило их в менее военизированные формы присутствия, опирающиеся на прежние институты и социальные контакты. В этом отношении постмировотворственный период правильнее понимать как продолжение той же логики «связки безопасности и развития», но в более узком и специализированном формате, что соответствует общему направлению эволюции многокомпонентных миссий, ранее описанному С. А. Тишковым [\[17\]](#).

Таким образом, проведенный анализ позволяет трактовать латиноамериканскую «мягкую силу» в Гаити как институционально поддержанный результат миротворческой архитектуры МООНСГ, в которой чрезвычайные события 2010 г. сыграли роль катализатора и одновременно фактора напряжения. Бразилия, обладая лидерством в военном компоненте, в большей степени использовала миссию для формирования статуса ответственного регионального центра безопасности и развития, а гуманитарные и управленческие действия выступали продолжением этой линии, закрепленной и в политике сотрудничества Юг–Юг [\[19; 21\]](#). Чили, действуя в более ограниченных масштабах, обеспечивала устойчивость своего влияния через инженерные и гуманитарные практики, формируя контакт с населением на уровне повседневной полезности, что усиливалось ростом гражданского компонента миссии после землетрясения [\[9; 10; 22\]](#). Землетрясение 2010 г. усилило значение обеих стратегий, поскольку расширение миссии и увеличение донорских потоков объективно расширяли поле гуманитарной деятельности и внешней координации, однако одновременно обнажили пределы легитимности внешнего управления, от которого зависела воспринимаемая эффективность «мягкой силы» [\[14; 18\]](#). В результате МООНСГ следует понимать как пример того, что долгосрочные миссии с государственно-строительным мандатом производят не только стабилизационные, но и символические эффекты, создавая участникам условия для развития публичной дипломатии и укрепления сотрудничества Юг–Юг в конкретной национальной среде [\[6; 7; 23\]](#). В заключение отметим, что гаитянский опыт 2004–2017 гг. демонстрирует взаимную обусловленность силового и «мягкого» измерений миротворчества, при которой устойчивость внешнего влияния определяется не только ресурсами контингента и объемом проектов, но и степенью доверия принимающего общества, что должно учитываться при анализе последующих форм международного участия в Гаити.

По результатам проведенного исследования было установлено, что латиноамериканское присутствие в Гаити в период МООНСГ формировалось как устойчивое соединение силовой стабилизации и символическо-гуманитарного влияния. Миссионная архитектура, изначально нацеленная на восстановление безопасности и государственных институтов, объективно создавала условия для длительного контакта внешних участников с населением и национальной администрацией, вследствие чего «мягкая сила» развивалась не как побочный эффект, а как функциональный элемент поддержания порядка и управляемости.

Было показано, что различие масштабов участия Бразилии и Чили не отменяло общности логики их действий: в обоих случаях публичная дипломатия, гуманитарные и инженерные практики опирались на институциональные ресурсы миссии и укрепляли внешнее влияние через повседневное присутствие и практическую полезность для

общин. События 2010 г. усилили данную тенденцию, поскольку расширение восстановительных задач потребовало увеличения гражданских функций и интенсивности взаимодействий с местными структурами, что повысило значимость доверия и коммуникации при сохранении опоры на безопасность.

Одновременно выявились пределы легитимности внешнего участия: общественное восприятие миссии зависело не только от результатов в сфере правопорядка, но и от степени согласованности международных практик с социальными ожиданиями, а также от способности участников открыто разъяснять цели и границы мандата. Завершение МООНСГ и переход к последующей миссии по поддержке правосудия подтвердили преемственность данной связки, поскольку военная составляющая была сокращена, но внешние консультативные и гуманитарные механизмы сохранились, обеспечив продолжение латиноамериканского влияния в менее военизированных формах. Тем самым гаитянский опыт позволяет трактовать длительные операции с государственно-строительным назначением как режимы, где устойчивость стабилизации и устойчивость «мягкой силы» взаимно обусловлены и опираются на единое институциональное основание.

Библиография

1. Баланык А.Я. Неклассические посланцы мира ООН в пиаризации международных отношений // Вестник международных отношений. 2016. № 4. С. 113-117.
2. Балув Д.Г. Введение в политический анализ. Нижний Новгород : ИНГУ, 2000. 556 с.
3. Вальдес Х. МООНСГ и восстановление гаитянского государства. Международные исследования, 2008. Т. 159. С. 129-142. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.revistaei.uchile.cl/index.php/REI/статья/файл_просмотра/13924/14215 (дата обращения: 07.12.2024).
4. Гонсалес Райнерио З. Гаити в эпоху Жана-Бертрана Аристида // Романские исследования. 2016. № 32. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journals.openedition.org/etudesromanes/5186> (дата обращения: 07.12.2024).
5. Доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити, 23 июня 2005 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.un.org/es/S/2005/411> (дата обращения: 07.12.2024).
6. Калдор М. Власть и принуждение: гражданская безопасность в глобализированном мире. Издательство "Тускетс Паблишерс", 2010.
7. Мелькин А.С. Международно-правовые проблемы миростроительства ООН в постконфликтных государствах. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 19. EDN: SUZTQL.
8. Миссия Организации Объединенных Наций по поддержке сектора правосудия в Гаити: МООНППГ – фактологический бюллетень. URL: www.peacekeeping.un.org/ru/mission/minujsth (дата обращения: 07.12.2024).
9. Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити (МООНСГ) – фактологический бюллетень. URL: www.peacekeeping.un.org/ru/mission/minustah (дата обращения: 07.12.2024).
10. Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити: справочная информация // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/minustah/background.shtml> (дата обращения: 07.12.2024).
11. Промежуточный доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити, 30 августа 2004 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.un.org/es/S/2004/698> (дата обращения: 07.12.2024).

30.08.2004).

12. Резолюция 1529 (2004). URL: www.docs.cntd.ru/document/902134480?ysclid=m4leqss2li504894356 (дата обращения: 07.12.2024).

13. Резолюция 1542 (2004) [об учреждении Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити (МООНСГ)]. URL: www.refworld.org/ru/legal/resolution/unsc/2004/ru/60469 (дата обращения: 07.12.2024).

14. Резолюция 1908 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6261-м заседании 19 января 2010 года. URL: www.refworld.org/ru/legal/resolution/unsc/2010/ru/71721 (дата обращения: 07.12.2024).

15. Резолюция 1944 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6399-м заседании 14 октября 2010 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1944%20\(2010\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1944%20(2010)) (дата обращения: 14.10.2023).

16. Серрано Кабальеро Э. Операции по поддержанию мира на Гаити (1991–2005) // Проблемы редакции. № 16. [Электронный ресурс]. URL: <https://revistas.urosario.edu.co/index.php/desafios/article/view/603/522> (дата обращения: июнь 2007 г.).

17. Тишков С.А. Деятельность многокомпонентных миротворческих миссий ООН: современная парадигма, императивы совершенствования. Дисс. ... канд. полит. наук. Орел, 2011. 222 с. EDN: QFHMLN.

18. Тишков С.А. Опыт и уроки миссии ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ) по сокращению насилия и преступности в процессе формирования основ постконфликтного восстановления // Научные ведомости: серия история и политология. 2017. № 15 (264). С. 175-182.

19. Триподи П. Журнал Вооруженные силы и общество. 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.resdal.org/haiti/art-tripodi.pdf> (дата обращения: 06.12.2023).

20. ЭКЛАК, Рэндольф Гилберт. Гаити: экономическая и социальная история. [Электронный ресурс]. URL: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/ca60c347-03c7-4e29-be5b-0207f186227d/content> (дата обращения: 07.12.2024).

21. Malacalza B. Participants and Agenda of Latin American South-South Cooperation in Haiti // In: T. Ojeda, E. Echart (Eds.). South-South Cooperation in Latin America and the Caribbean. CLACSO, 2019. P. 129-141.

22. Varrey E. United Nations peacekeeping missions in Haiti (1993–2019). In Statu Nascendi, 2021. Т. 3.

23. Zaharna R.S. Information and Relational Communication Frameworks. In: Routledge handbook of public diplomacy / Ed. by Snow N., Taylor P. Taylor & Francis, 2009. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемой статьи является соотношение военно-политической роли Бразилии и Чили в Миссии ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ) и форм «мягкого» влияния, которые эти страны реализовывали в гаитянском обществе и институтах. Автор фокусируется на специфической форме международного влияния, сочетающей миротворчество, публичную дипломатию и сотрудничество по схеме Юг-Юг. Выбор предмета является точным и релевантным для анализа современных миротворческих

операций, выходящих за рамки чисто силового вмешательства.

Методологическая основа статьи включает сравнительно-исторический и институциональный подходы политического анализа, что позволяет автору реконструировать взаимосвязь между мандатом миссии, практиками его исполнения и внешнеполитическими целями Бразилии и Чили. Автор оправданно апеллирует к тезису Д.Г.Балуева о необходимости учета не только формальных норм, но и реальных механизмов распределения полномочий. Однако стоит отметить, что заявленные методы применяются скорее имплицитно, без детального описания их операционализации применительно к конкретным эмпирическим данным. Не хватает четкого разграничения сравнительного и исторического аспектов.

Актуальность статьи не вызывает сомнений. Изучение «мягкой силы» в контексте многокомпонентных миротворческих операций ООН находится на стыке нескольких дисциплин — международных отношений, политологии и конфликтологии. Обращение к гаитянскому примеру, особенно в свете недавнего завершения миссии и продолжающегося кризиса в Гаити, позволяет извлечь важные уроки для будущих операций. Фокус на латиноамериканском измерении представляет особый интерес в контексте растущей роли стран Глобального Юга в архитектуре международной безопасности.

Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении МООНСГ не просто как стабилизационной миссии, а как среды для реализации «мягкой силы» региональных держав. Автор убедительно показывает, как военное присутствие и гуманитарно-управленческая деятельность Бразилии и Чили взаимно дополняли друг друга, создавая устойчивые каналы влияния. Важным новым ракурсом является анализ событий 2010 года (землетрясения) не как сбоя, а как структурного поворота, изменившего внутреннюю архитектуру миссии и усилившего значимость гражданского компонента, что, в свою очередь, расширило возможности для «мягкой силы».

Статья написана научным стилем, терминология адекватна предмету. Структура в целом логична. Список литературы репрезентативен и включает широкий спектр источников. Присутствуют как классики теории, так и специалисты по региону. Небольшим недостатком можно считать отсутствие ссылок на работы, критикующие саму концепцию «мягкой силы» (например, Н. Фергюсона или Дж. Ная в его более поздних рефлексиях), что могло бы добавить дискуссионности.

Автор учитывает наличие в научной литературе противоположных точек зрения на природу участия Бразилии и Чили в Гаити. В тексте прямо указано, что некоторые исследователи видят в их действиях сугубо политические мотивы и приверженность коллективной безопасности, а не целенаправленное формирование «мягкой силы». Автор занимает взвешенную позицию, признавая, что обе логики — и официально-мандатная, и репутационно-стратегическая — сосуществовали и дополняли друг друга. Это придает аргументации убедительность.

Стоит отметить в статье удачное сочетание анализа военно-политических аспектов миротворчества с инструментарием теории «мягкой силы» и публичной дипломатии. Статья основана на тщательном изучении документов ООН и научных публикаций. Автор убедительно доказывает, что устойчивость влияния Бразилии и Чили определялась не объемом проектов, а доверием, возникавшим из повседневного практического взаимодействия, институционально поддержанного миссией.

В качестве замечания к статье можно отметить определенную описательность, в некоторых разделах, особенно при изложении предыстории миссии и событий 2010 года, преобладает повествование над анализом. Не хватает более детального «механического» объяснения, как именно конкретные действия бразильских и чилийских контингентов транслировались в символический капитал и «мягкую силу».

Хотя автор упоминает о проблеме легитимности и критике миссии со стороны местного населения, этот аспект раскрыт довольно бегло. Более глубокий анализ восприятия действий Бразилии и Чили самими гаитянами (например, через призму местных СМИ или интервью) значительно усилил бы работу.

Ключевой вывод статьи о том, что МООНСГ создала институциональную среду, в которой «мягкая сила» Бразилии и Чили развивалась не в отрыве от военного мандата, а через него, и что устойчивость этого влияния зависела от степени доверия принимающего общества, представляется весьма убедительным и научно обоснованным. Такой вывод вносит значительный вклад в понимание современных миротворческих операций, демонстрируя их многогранное воздействие на международные отношения и статус участников.

Статья, без сомнения, вызовет интерес у специалистов в области международных отношений, политологии, латиноамериканских исследований и конфликтологов. Может быть полезна исследователям миротворчества ООН, «мягкой силы» и внешней политики Бразилии и Чили.

На основании вышеизложенного, считаю, что статья «Латиноамериканская «мягкая сила» в действии: Бразилия и Чили как столпы МООНСГ (2004–2017)» соответствует научному уровню и тематической направленности журнала «Конфликтология / nota bene». Работа обладает значительной научной ценностью, актуальностью и новизной.

Рекомендую статью к публикации после устранения незначительных стилистических недостатков, а именно: 1) внесение ясности в методологический раздел, конкретизировав, как применялись заявленные подходы, 2) слегка отредактировать текст в сторону большей структурной четкости и динамики изложения, возможно, разбив его на подразделы. После соответствующей доработки статья, несомненно, станет ценным вкладом в научную дискуссию.